

СЫНОВЬЯ Всеслава
Брячиславича.
Стратегия и порядок
имянаречения*

Vseslav
Bryachislavich's Sons.
Strategy and the
Order of Name-giving

**Антон Михайлович
Введенский**

Национальный исследовательский
университет «Высшая школа экономики»;
С.-Петербургский институт истории РАН,
С.-Петербург, Россия

Anton M. Vvedenskiy

HSE University;
St. Petersburg Institute of History
of Russian Academy of Sciences,
St. Petersburg, Russia

Резюме

Статья посвящена важному дискуссионному вопросу о старшинстве сыновей полоцкого князя Всеслава Брячиславича. В статье высказывается гипотеза, что Всеслав Брячиславич нарек своих старших сыновей в честь Бориса и Глеба — сыновей Владимира Святославича. Борис и Глеб Владимировичи обладали не только династическими именами, но и крестильными (Роман и Давыд). В имянаречении своих сыновей Всеслав Брячиславич использовал «логичную» последовательность — назвав первых двух своих сыновей династическими именами Владимировичей, а третьего и четвертого — их крестильными именами (Роман и Давыд). В статье также высказывается гипотеза о том, что у Всеслава Брячиславича не было сына по имени Рогво-

* Автор выражает благодарность Ф. Б. Успенскому за ценные рекомендации и советы.

Цитирование: *Введенский А. М. Сыновья Всеслава Брячиславича. Стратегия и порядок имянаречения // Slověne. 2022. Vol. 11, № 2. С. 264–277.*

Citation: *Vvedenskiy A. M. (2022) Vseslav Bryachislavich's Sons. Strategy and the Order of Name-giving. Slověne, Vol. 11, № 2, p. 264–277.*

DOI: 10.31168/2305-6754.2022.11.2.12

лод. Все летописные контексты, в которых исследователи склонны видеть сына Всеслава с таким именем, относятся к внуку Всеслава — Рогволоду Борисовичу.

Ключевые слова

Полоцк, Всеслав Брячиславич, имянаречение, Рогволод Борисович, Борис и Глеб, Святослав Ярославич, Борис Всеславич, Глеб Всеславич

Abstract

The article is devoted to the issue of the seniority of the sons of the Polotsk prince Vseslav Bryachislavich. The article hypothesizes that Vseslav Bryachislavich named his eldest sons in honor of Boris and Gleb—the sons of prince Vladimir Svyatoslavich. Boris and Gleb Vladimirovich had not only dynastic names, but also baptismal names—Roman and Davyd. Vseslav Bryachislavich named his first two sons the dynastic names of the Vladimirovichs (Boris, Gleb), and the third and fourth—their baptismal names (Roman, Davyd). The article also hypothesizes that Vseslav Bryachislavich did not have a son named Rogvolod. All chronicle contexts in which researchers tend to see Vseslav's son with that name refer to Vseslav's grandson, Rogvolod Borisovich.

Keywords

Polotsk, Vseslav Bryachislavich, name-giving, Rogvolod Borisovich, Boris and Gleb, Svyatoslav Yaroslavich, Boris Vseslavich, Gleb Vseslavich

Всеслав Брячиславич — правнук Владимира Святославича — стал полоцким князем в 1044 г. после смерти своего отца Брячислава Изяславича и правил Полоцкой землей до самой своей смерти, которая наступила в 1101 г. О вокняжении и смерти князя сообщает Лаврентьевская летопись: «В се же лѣто умре Брячиславъ, сынъ Изяславль, внукъ Володимеръ, отецъ Всеславль, и Всеславъ, сынъ его, сѣде на столѣ его» [ПСРЛ, 1: 155]. «Преставися Всеславъ Половьцьскый князь мѣсяца априля въ 14 день, въ 9 часъ дъне в среду» [Ibid.: 274]. Год же рождения князя нам неизвестен.

Скудные источники ничего не сообщают ни о женах Всеслава, ни о его дочерях. Зато точно известно, что у Всеслава было несколько сыновей, однако вопрос об их количестве и старшинстве остается в историографии дискуссионным [Рапов 1977: 54]. Летопись называет следующие имена сыновей Всеслава: Рогволод, Борис, Глеб, Роман, Давыд, Святослав, Ростислав. Однако количество имен не сообщает о количестве их носителей. Связано это с тем, что в домонгольской Руси князья почти всегда носили два имени — родовое и христианское (см.: [Литвина, Успенский 2006: 11–30]).

В историографии существуют различные точки зрения, сколько сыновей скрывается под этими именами. Как известно, сыновей Владимира Святого, погибших в братоубийственной войне 1015–1019 гг., звали Борис и Глеб. Они также носили и христианские имена, соответственно Роман и Давыд. В связи с наличием в ономастиконе сыновей Всеслава всех четырех имен (Борис, Роман, Глеб, Давыд) высказывалась даже точка зрения о том, что один из сыновей Всеслава носил имя Борис-Роман, как и сын Владимира Святого [Янин 1960: 130]. Это ошибка исследователя, так как Борис Всеславич и Роман Всеславич, безусловно, разные люди, ведь по свидетельству летописей они умерли в разные года (см. ниже).

Поздняя Густынская летопись сообщает, что второе имя Бориса было Рогволод [ПСРЛ, 40: 301]. Поэтому большинство исследователей считало, что вторым именем Бориса было Рогволод, а не какое-то иное [Алексеев 1966: 252; Рапов 1977: 56].

Однако А. Ф. Литвина и Ф. Б. Успенский показали, что синтаксически конструкция Густынской летописи нехарактерна «для древнейших летописных памятников», что скорее всего говорит о конструировании данного сообщения составителем летописи [Литвина, Успенский 2006: 273–274]. Как показали исследователи, Борис Всеславич не мог носить второго имени Рогволод, так как у Бориса Всеславича был сын с именем Рогволод, а в XI–XII вв. Рюриковичи никогда не нарекали сына именем здравствующего отца [Ibid.: 267–269].

Данные наблюдения позволяют предполагать, что у Всеслава Брячиславича было семь сыновей. Однако вопрос о существовании Рогволода Всеславича остается спорным. Связано это с тем, что во всех известных нам свидетельствах о Рогволоде нет ни одного, которое бы достоверно сообщало именно о сыне Всеслава, а не о его внуке — Рогволоде Борисовиче.

Рассмотрим эти свидетельства. Лаврентьевская летопись в конце летописной статьи 1127 г. сообщает: «И тако пополочане сътснувшеси, выгнаша Давыда и с сынъми и поемше Роговолода идоша къ Мстиславу просяще и собѣ князем и створи волю ихъ Мстиславъ и поимше Роговолода, ведоша и Полотъску» [ПСРЛ, 1: 299]. В начале следующей летописной статьи 1128 г. читаем: «Преставися князь Полотъскый Борис» [Ibid.: 299]. Ипатьевская летопись вторит сообщению Лаврентьевской, а под 1129 г. в той же Ипатьевской сообщается о смерти Бориса Всеславича [ПСРЛ, 2: 289].

Большинство исследователей, считавших, что Борис и Рогволод являются одним и тем же лицом, полагали, что летопись сообщает о приглашении в Полоцк Бориса-Рогволода Всеславича на место Давыда

Всеславича, а в следующей годовой статье — о смерти Бориса-Рогволода (к примеру, [Рапов 1977: 56; Войтович 2006: 283–284]). Так как упоминаемый Рогволод не является Борисом, то встает вопрос о том, кого пригласили жители Полоцка к себе на княжение.

По летописным данным получается, что Давыд Всеславич был полоцким князем при живом Борисе Всеславиче, а потом, также до смерти Бориса, править стал Рогволод. В летописях нет никаких указаний о начале правления Давыда Всеславича в Полоцке, что заставляет исследователей гадать о начале правления Давыда Всеславича.

Л. В. Алексеев считал, что Давыд был старшим сыном Всеслава, и поэтому правил после его смерти с 1101 до 1128 г. [Алексеев 1966: 252]. Однако в этом утверждении видится противоречие, так как, во-первых, в сообщении о смерти Бориса Всеславича он назван полоцким князем, а во-вторых, в «Хождении игумена Даниила»² в списке князей, правивших в различных русских городах, фигурирует князь Борис Всеславич, находящийся на предпоследнем месте списка. Нет никаких сомнений, что речь идет о Борисе Всеславиче Полоцком, так как после него, последним, указан его брат «Глеб Минский» [Янин 1960: 125]. Следовательно, Борис Всеславич был полоцким князем, во всяком случае, в какой-то период первого двадцатилетия XII в. Вполне можно предположить, что Борис правил Полоцком после смерти Всеслава Брячиславича, а упоминание под 1127 г. Давыда Всеславича свидетельствует о приглашении его полочанами, скорее всего, из-за болезни Бориса, который не мог управлять княжеством. Однако отношения полочан с братом Бориса не сложились, и они, выгнав его, пригласили то ли другого сына Всеслава, то ли сына самого Бориса.

Если считать, что приглашен был Рогволод Всеславич, то это первое и последнее упоминание о нем в летописи. О смерти Бориса, Глеба и Романа летописцы сообщают, а о судьбе трех других — Давыда, Святослава и Ростислава, после высылки их в Византию в 1129 г., ничего не известно. Если Рогволод не был выслан в Византию, то почему о нем ничего больше не сообщают летописи? Если же он был выслан, почему он не упомянут среди других высланных сыновей Всеслава?

Если же предположить, что жители Полоцка призвали к себе Рогволода Борисовича, то это вполне вписывается в логику происходящего. Давыд, призванный заменить по «лествичному» принципу, скорее всего, смертельно больного Бориса, пришелся не ко двору, и жители По-

² Поездка игумена Даниила в Палестину имело место не раньше 1104 г., так как Даниил посетил Акру, которая была отвоевана христианами лишь в 1104 г., наличие же в списках русских князей на первом месте Святополка Изяславича, который умер в 1113 г., свидетельствует о том, что поездка Даниила в Иерусалим началась до смерти князя.

лоцка решили пригласить сына Бориса, который, вероятно, был князем в одном из городов Полоцкой земли.

Под 1128 г. Лаврентьевская и под 1130 г. Ипатьевская летописи сообщают об отправке полоцких князей в Константинополь с женами и детьми, но не упоминают имен [ПСРЛ, 1: 301; ПСРЛ, 2: 293].

Под 1140 г. Ипатьевская летопись рассказывает еще раз о том, что в Византию были отправлены полоцкие князья. Среди высланных упомянуты три сына Всеслава Брючиславича и «Рогъволодича два» [ПСРЛ, 2: 300]. В Московском своде 1479 г. (далее — МС) оба свидетельства Ипатьевской летописи читаются под 1129 г., причем, в отличие от Ипатьевской, МС сообщает имена Рогволодичей — Василий и Иван [ПСРЛ, 25: 31].

Кто же эти Рогволодичи — сыновья Рогволода Всеславича или Рогволода Борисовича?

Большинство исследователей считали упомянутых Рогволодичей сыновьями Рогволода-Бориса, а Василия его сыном Рогволодом-Василием (к примеру, [Флоря 1995: 113]). Но теперь становится ясно, что Василий и Иван могут быть либо сыновьями Рогволода-Василия Борисовича, либо его двоюродными братьями.

На мой взгляд, в пользу того, что Иван и Василий — дети Рогволода-Василия Борисовича, свидетельствует летописное сообщения об отправке полоцких князей, где сказано, что трех сыновей Всеслава выслали в Византию на трех кораблях с женами и детьми, т. е. для двух Рогволодичей не было предусмотрено отдельных кораблей, что, скорее всего, говорит об их малом возрасте и отсутствии у них жен и детей, в отличие от сыновей Всеслава.

Если же это так, то подростковый возраст Рогволодичей скорее свидетельствует в пользу того, что перед нами сыновья Рогволода Борисовича, которые и должны быть подростками. Отсутствие же в сообщении об отправке полоцких князей в Византию имени самого Рогволода Борисовича может говорить о том, что его пленить не удалось. Тот же факт, что он стал полоцким князем в 1144 г.³ [ПСРЛ, 1: 311], как раз свидетельствует о том, что он стремился занять стол своего отца, как уже однажды случилось.

Правда, из ранних летописных источников мы знаем о других сыновьях Рогволода Борисовича — Глебе и Всеславе. Первый из них упомянут под 1180 г. в Ипатьевской летописи как князь друцкий [ПСРЛ, 2: 620], а второй — под 1160 г. как участник похода на Вщиж [Ibid.: 508].

³ Скорее следует сказать, что в 1144 г. он уже был полоцким князем, так как под этим годом летопись сообщает о женитьбе Рогволода Борисовича на дочери Изяслава Мстиславича.

Однако Всеслав под 1160 г. упомянут без отчества — «Всеславъ ис Полотьска». Без отчества упомянут Всеслав и под 1186 г. как князь друцкий, и некоторые исследователи в обоих случаях видят не Всеслава Рогволодича, а Всеслава Васильковича — сына Василько Святославича [Рапов 1977: 62; Алексеев 1966: 282]. Нам представляется, что отрицать тот факт, что у Рогволода Борисовича мог быть сын с именем Всеслав, не следует, но вопрос требует дальнейшего изучения⁴.

О сынах же Иване и Василии ничего более не известно, как и об их потомках. Однако следует отметить, что, как показал А. А. Гиппиус, составитель МС, вполне возможно, в своей работе использовал летописный текст общего протографа Ипатьевской и Хлебниковской летописи [Гиппиус 2007: 30–33]. Следовательно, можно предполагать, что имена Роговолодичей не были придуманы составителем МС, а были взяты из протографа Ипатьевской/Хлебниковской, а в самих этих летописях имена Роговолодичей были опущены.

Если имена Роговолодичей, зафиксированные в МС, настоящие, то кроме сына Глеба у Рогволода Борисовича были сыновья Иван и Василий. Назвать сына своим крестильным именем Рогволод вполне мог. В отличие от запрета на передачу сыну своего родового имени, передача крестильного имени отца сыну была возможна и практиковалась [Литвина, Успенский 2006: 141–143].

Конечно,стораживает сочетание имен Иван и Василий, появившихся в московском летописном своде 1470-х гг.; общеизвестна популярность этих имен в великокняжеском роду Даниловичей. С другой стороны, если составитель МС добавил имена Роговолодичей, исходя из современного ему московского княжеского ономастикона, то причина такого авторского имяпорождения остается не совсем ясной — надевать полоцких князей XII в. именами московских князей XV в., как кажется, незачем.

Несмотря на сложность в оценке правдоподобности имен Роговолодичей, высланных в Византию, мне представляется, что эти Роговолодичи были сыновьями Рогволода Борисовича (в связи с косвенным указанием на их малый возраст), а сына Всеслава по имени Рогволод, вполне возможно, никогда не существовало.

Наличие же молодых сыновей у Рогволода Борисовича в конце 1120-х гг. дает возможность предполагать, что Рогволод родился в начале 1100-х гг. и, приближаясь к своему 30-летию, имел уже двух сыновей-подростков. Эти наблюдения о возрасте Рогволода Борисовича не противоречат свидетельству знаменитого камня, найденного под

⁴ В поздних источниках встречаются и другие сыновья Рогволода — Борис и Ростислав, но эти свидетельства большого доверия не вызывают.

Оршей в 1792 г. и получившего названия «Рогволодова». На камне высечен крест и надпись: «В лѣто 6679 [1171] мѣсяца маия въ 7 день доспенъ крестъ сии, Господи, помози [р]абу своему Василию в крещении, именемъ Рогволоду сыну Борисову» [Рыбаков 1964: 33].

Следовательно, в начале 1170-х гг. Рогволод Борисович был жив, и надпись была сделана, когда ему было около семидесяти лет, т. е. в конце его жизненного пути. Рогволод Борисович дожил до вполне преклонного по меркам средневековья возраста.

Переходя к вопросу о порядке имянаречений Всеславом своих сыновей, следует еще раз отметить скудное количество дошедших до нас свидетельств о Всеславичах.

Впервые летописи сообщают о сыновьях Всеслава под 1067 г., не называя их имен: «Изяславъ же приведеъ Всеслава Киеву всади и в порубь съ двѣма сынома» [ПСРЛ, 1: 167].

Кто были эти сыновья, которые, по всей видимости, были старшими из сыновей Всеслава? Л. В. Алексеев считает старшими сыновьями Давыда и Бориса-Рогволода [Алексеев 1966: 252]. В. Л. Янин называет старшим Романа-Бориса [Янин 1960: 130]. Ю. А. Артамонов, по всей видимости, исходя из того, что Роман и Глеб умерли раньше всех, определяет именно их старшими Всеславичами [Артамонов 2005: 181]. В недавно вышедшей работе Л. В. Левшун старшими названы Рогволод и Борис [Левшун 2020: 23].

Если об именах старших сыновей Всеслава в историографии явно наличествуют разные мнения, то с младшими царит полное единодушие, так как Ипатьевская летопись называет имена высланных в Византию сыновей в следующем порядке: «Посла по кривитьстѣи князѣ по Давида, по Ростислава и Святослава...» [ПСРЛ, 2: 304].

Про Ростислава и Святослава больше ничего ни один источник не сообщает. Ничего мы не знаем и о женах и детях Ростислава. А вот дети Святослава хорошо известны — Василько, Вычеслав, Давыд и дочери Предслава и Градислава. Несмотря на это, единственное упоминание двух высланных Всеславичей в историографии расценивается как указание на то, что именно они — самые младшие сыновья Всеслава [Данилович 1896: 71; Рапов 1977: 56; Войтович 2006: 285–286], что, за неимением каких-либо иных свидетельств о них, стоит признать справедливым.

Давыд Всеславич в летописях упоминается еще дважды: под 1104 г. и, как мы уже писали выше, под 1127 г., когда его выгоняют полочане и приглашают Рогвольда Борисовича.

Причиной приглашения Давыда в Полоцк, на наш взгляд, стала тяжелая болезнь Бориса, который не был в состоянии управлять кня-

жеством. Появление именно Давыда Всеславича в Полоцке следует считать наиболее логичным, так как он на тот момент был вторым по старшинству после Бориса среди сыновей Всеславича, ведь Ростислав и Святослав были младше, а два других брата — Глеб и Роман — к этому времени уже умерли.

Если это утверждение верно, то оно, конечно, не дает ответа на вопрос, каким по старшинству был Давыд относительно Глеба и Романа.

Обратимся к свидетельствам источников. Кроме указания на смерть Бориса в Лаврентьевской и Ипатьевской летописи, никаких иных сообщений о Борисе ранний летописный материал не содержит. Однако, как уже сообщалось выше, Борис назван в «Хождении игумена Даниила» полоцким князем, где он завершает список, вместе с «Глебом Минским».

Изначальный список русских князей в «Хождении игумена Даниила» реконструировал в своей работе В. Л. Янин, так как разные редакции памятника содержат некоторые отличия [Янин 1960: 123–131]. На самом деле, лишь в списках первой группы второй редакции одновременно встречаются имена Бориса и Глеба, причем Глеб назван мезенским князем. Несмотря на это, реконструкция В. Л. Янина представляется нам аргументированной — во всех редакциях (кроме первой группы второй редакции) список князей заканчивается либо именем Бориса, либо именем Глеба. Вряд ли появление имени какого-либо из князей следует относить к позднейшим редактированиям текста «Хождения», скорее перед нами лакуны, восходящие к протографам редакций памятника, а в первоначальном тексте читались оба имени, о чем и свидетельствуют списки первой группы второй редакции.

Важно, что Борис Всеславич назван в списке князей перед Глебом Минским. Это свидетельствует о том, что Борис был старше Глеба, а Минск рассматривался в начале XII в. как второй город Полоцкой земли.

Данное свидетельство «Хождения» должно было бы навести исследователей на логичную мысль о том, что именно Борис и Глеб в момент составления списка князей занимали два главных стола Полоцкой земли и были старшими сыновьями Всеслава.

Как бы ни датировать «Хождение игумена Даниила», даже если взять самую широкую датировку 1104–1115 гг., в этом временном промежутке Борис, Глеб, Роман и Давыд живы и здоровы. Правление Бориса и Глеба в Полоцке и Минске свидетельствует об их старшинстве относительно Романа и Давыда.

Первое свидетельство о Глебе, как и о Давыде, находится в тексте Лаврентьевской летописи под 1104 г.: «Сего же лѣта исходяще посла

Святополкъ Путятю на Мѣнескъ, а Володимеръ сына своего Ярополка, а Олег сам иде на Глѣба, поемше Давыда Всеславича, и не успѣша ни чтоже и възвратишася опять» [ПСРЛ, 1: 280]. Следовательно, в 1104 г. Глеб уже был минским князем. Ныне принятая в историографии ранняя датировка «Хождения» 1104–1106 гг. [Прохоров 1997: 585] позволяет предположить, что не только Глеб, но и Борис сидел на своем столе к 1104 г. Вполне вероятно, они заняли свои столы сразу после смерти Всеслава в 1101 г.

Почему Давыд выступил против Глеба? Есть точка зрения, что его обделили братья после смерти Всеслава, хотя он и был старшим [Очерки 1953: 385]. Л. В. Алексеев же считает Давыда старшим [Алексеев 1966: 252], на основании неправильной интерпретации данных «Хождения», в некоторых редакциях которого названный на третьем месте Давыд Святославич, князь черниговский, ошибочно получил отчество Всеславич [Янин 1960: 127].

Дальнейшая же судьба Глеба известна по летописным свидетельствам. В 1119 г. Владимир Всеволодович Мономах ходил походом на Глеба и «взя Менескъ у Глѣба, у Всеславича, самого приведе Киеву. Томъ же лѣ преставися Глѣбъ в Киевѣ Всеславичъ, семтября въ 13» [ПСРЛ, 2: 285].

Под 1158 г. летопись сообщает о смерти вдовы Глеба Всеславича и ее погребении в Киево-Печерском монастыре. Летописец пишет, что Глеб и его жена пожертвовали Киево-Печерской лавре внушительную сумму серебром и золотом [ПСРЛ, 2: 492–493].

Ю. А. Артамонов считает, что «хорошее отношение Глеба к Печерской обители было воспринято им от отца, являясь прямым следствием дружбы Всеслава с Антонием, которая могла сложиться в период правления полоцкого князя в Киеве (сентябрь 1068–апрель 1069). Существенно и то, что сам Глеб был свидетелем и непосредственным участником этих событий» [Артамонов 2005: 181–182]. Однако, как мы указывали выше, исследователь считает, что плененными вместе с отцом сыновьями Всеслава были Роман и Глеб.

О самом Романи Всеславиче нам почти ничего не известно. В Ипатьевской летописи под 1116 г. читаем: «В се же лѣ преставися Романъ Всеславичъ» [ПСРЛ, 2: 284]. В. Н. Татищев датирует смерть Романа 1113 г., а Никоновская летопись 1114 г. Несмотря на это, в историографии встречаются спекулятивные гипотезы о его княжении в каком-либо из городов Полоцкой земли (к примеру, [Войтович 2006: 285]).

На наш взгляд, гипотеза Ю. А. Артамонова вполне правдоподобна, но княжичами, которые были посажены в киевский поруб вместе с Всеславом, следует считать Бориса и Глеба, а не Романа и Глеба.

Все вышеприведенные аргументы в пользу старшинства Бориса и Глеба не позволяют дать ответ на важный вопрос, кто был третьим сыном Всеслава Брючиславича, ведь Роман и Давыд вполне могут претендовать на такой статус. То, что Давыд был приглашен на княжение в Полоцк, не говорит о его старшинстве по отношению к Роману, так как к этому моменту Роман был уже мертв.

Нам представляется, что ответить на вопрос о том, кто был старше — Роман или Давыд, можно, если воспользоваться данными о стратегиях именовании других членов династии Рюриковичей в это время.

Борис и Глеб Всеславичи попали в киевский поруб, когда были еще подростками, следовательно, датировать их появление на свет следует 1050-ми гг.

В 1040-е — 1050-е гг. в семье черниговского князя Святослава Ярославича рождаются сыновья. Старший из них Глеб упомянут в летописи под 1064 г. как тмутараканский князь [Новгородская 1950: 184]. В 1068 или 1069 г. Глеб становится новгородским князем, а тмутараканский стол занимает его брат Роман⁵. Сомнений в том, что новгородский стол имел более высокий статус, нежели тмутараканский, как кажется, нет, что говорит о старшинстве Глеба.

Однако в 1073 г. в результате заговора против брата Изяслава Святослав стал киевским князем; по мнению В. Н. Татищева, он посадил в Переяславле своего третьего сына Давыда. Однако сведения В. Н. Татищева другими источниками не подтверждаются. Ранние, а следовательно более надежные источники, сообщающие о Давыде, — это летописи. Новгородская первая летопись сообщает под 1095 г.: «Иде Святопѣлкѣ и Володимирѣ на Давыда Смольнску, и вдаша Давыду Новѣгородъ» [Новгородская 1950: 19]. В Новгородской первой летописи младшего извода под 989 г. сообщается: «И присла Всеволод внука своего Мъстислава, сына Володимирия, и княживъ 5 лѣтъ, иде к Ростову, а Давыдъ прииде к Новугороду княжить, и по двою лѣту выгнаша и» [Ibid.: 161]. В связи с этим следует считать справедливым замечание О. М. Рапова, что Давыд Святославич правил в Новгороде с 1093 по 1095 г., после чего ушел в Смоленск [Рапов 1977: 99].

В некоторых поздних летописях под 1088 г. находится свидетельство об уходе Святополка к Турову и вокняжении в Новгороде Давыда (к примеру, [ПСРЛ, 15: 76]). Как бы к этому сведению ни относиться, достоверных сведений о деятельности Давыда Святославича до конца 1080-х гг. у нас нет. Таким образом, появление Давыда Святославича на политической арене через 10 лет после смертей его старших братьев

⁵ Правда, не совсем ясно, когда начинает править Роман Святославич в Тмутаракани; нам лишь точно известно, что он княжил там с 1077 по 1079 г.

(Глеб и Роман погибли 1078/1079 гг.) свидетельствует о том, что он был младше Глеба и Романа.

Однако встает вопрос о старшинстве Давыда относительно еще одного сына Святослава — Олега. Из «Поучения Владимира Мономаха» становится ясно, что в 1076 г. Олег был князем во Владимире-Волынском, откуда после смерти отца был выведен в Чернигов, где правил его дядя Всеволод Ярославич [ПСРЛ, 1: 247–248]. Убежав из Чернигова в апреле 1078 г., он отправился в Тмутаракань к брату Роману [Ibid.: 199] и, набрав войско, в том числе и половецкое, пошел войной на Всеволода и захватил Чернигов [Ibid.: 200]. Из Чернигова Олега выгнали Всеволод и Изяслав Ярославичи, победившие его 3 октября 1078 г. в битве на Нежатиной Ниве, и Олег вновь ушел в Тмутаракань [Ibid.: 201–202]. После этого он был взят в плен хазарами и отправлен на Родос [Ibid.: 204]. В 1083 г. Олег возвратился в Тмутаракань и, выгнав правящих там князей, стал княжить [Ibid.: 205]. В 1094 г. Олег начал войну против Всеволода Мономаха и выбил его из Чернигова. Выбитый же сам из Чернигова в 1096 г., захватил Муромскую и Ростовскую землю [Ibid.: 226, 230, 237]. Вся эта военная активность Олега Святославича привела к Любечскому съезду, по решению которого внуки Ярослава Мудрого получили в держание «отчину свою»: «Святополкъ Киевъ Изяславль, Володимеръ Всеволожь, Давыдъ и Олегъ и Ярославъ Святославъ» [Ibid.: 257]. Из решения Любечского съезда, где перечислены сыновья Святослава, следует сделать вывод, что, несмотря на то что Олег Святославич впервые упомянут в летописях на 10 лет раньше своего брата Давыда, Давыд все же оказывается старше Олега, так как возглавляет список сыновей Святослава.

В связи со всем вышеизложенным напрашивается вполне логичный вывод, что Святослав Ярославич назвал своих первых трех сыновей в следующей последовательности — Глеб, Роман, Давыд. Отличие перечня имен первых сыновей Святослава от перечня имен Всеславичей заключается в отсутствии Бориса. Но вполне можно предполагать, что сын с именем Борис у Святослава был, но он умер в младенчестве. Летописи не сообщают о рождении ни одного из Святославовых сыновей, поэтому, если Борис родился и в скором времени умер, летописи и не должны были об этом упомянуть.

Святослав Ярославич называет своих сыновей в честь погибших дядей, причем в весьма примечательной последовательности. Сначала он использует династическое имя (если предположение о первенце Борисе справедливо, то два имени), а потом два крестильных имени, сначала второе имя Бориса Владимировича — Роман, а потом его брата Глеба Владимировича — Давыд.

В то же самое время правнук Владимира Святого — Всеслав Брячиславич — дает своим первым четырем сыновьям те же имена свв. Бориса и Глеба.

Последовательность имянаречения Святославичей позволяет предполагать, что Всеслав назвал своих сыновей в той же последовательности, сначала дав династические имена Борис и Глеб, а потом — крестильные, Роман и Давыд. Следовательно, вопрос о том, кто старше, Роман Всеславич или Давыд Всеславич, следует решить в пользу старшинства Романа.

Всеслав назвал своих четырех сыновей в честь Бориса и Глеба в порядке старшинства сыновей Владимира, в той последовательности, которую можно назвать «логичной» — первым двум сыновьям Всеслав дал династические имена Владимировичей, а вслед за ними вторую пару сыновей назвал крестильными именами Бориса и Глеба Владимировичей — Роман и Давыд.

Таким образом, и Святослав Ярославич, и Всеслав Полоцкий — два потомка Владимира Святого — в одно и то же время, 40-е — 50-е гг. XI в., нарекают своих сыновей именами погибших Владимировичей, причем, по всей видимости, в одной и той же последовательности и династические, и крестильные имена Бориса-Романа и Глеба-Давыда.

Следует отметить, что наша гипотеза не противоречит никаким аутентичным свидетельствам ранних источников о сыновьях Всеслава Брячиславича.

Библиография

Источники

Новгородская 1950

Новгородская первая летопись старшего и младшего извода, Москва, Ленинград, 1950.

ПСРЛ, 1

Полное собрание русских летописей, 1, Москва, 1997.

ПСРЛ, 2

Полное собрание русских летописей, 2, С.-Петербург, 1908.

ПСРЛ, 15

Полное собрание русских летописей, 15, Москва, 2000.

ПСРЛ, 25

Полное собрание русских летописей, 25, Москва, Ленинград, 1949.

ПСРЛ, 40

Полное собрание русских летописей, 40, Москва, 2003.

Литература

Алексеев 1966

Алексеев Л. В., *Полоцкая земля (Очерки истории Северной Белоруссии) в IX–XIII веках*, Москва, 1966.

Артамонов 2005

Артамонов Ю. А., Князья полоцкие — «Великие милосники великой Лавры Печерской», *Ad fontem = У источника: Сборник статей в честь Сергея Михайловича Каштанова*, Москва, 2005, 176–182.

Войтович 2006

Войтович Л., *Княжа доба: портрети еліти*, Біла Церковь, 2006.

Гиппиус 2007

Гиппиус А. А., К проблеме редакций Повести временных лет, 1, *Славяноведение*, 5, 2007, 20–44.

Данилович 1896

Данилович В. Е., *Очерк истории Полоцкой земли до конца XIV столетия*, Киев, 1896.

Левшун 2020

Левшун Л. В., *Полоцкий князь Борис Всеславич*, Москва, 2020.

Литвина, Успенский 2006

Литвина А. Ф., Успенский Ф. Б., *Выбор имени у русских князей в X–XVI вв. Династическая история сквозь призму антропонимики*, Москва, 2006.

Очерки 1953

Очерки Истории СССР. Период феодализма IX–XV вв. в двух частях, под ред. Б. Д. Грекова, 1, Москва, 1953

Прохоров 1997

Прохоров Г. М., Хождение игумена Даниила. Комментарии, *Библиотека литературы Древней Руси*, 4, 1997, 584–599.

Рапов 1977

Рапов О. М., *Княжеские владения на Руси в X – первой половине XII века*, Москва, 1977.

Рыбаков 1964

Рыбаков Б. А., *Русские датированные надписи XI–XIV веков*, Москва, 1964.

Флоря 1995

Флоря Б. Н., Историческая традиция об общественном строе средневекового Полоцка, *Отечественная история*, 5, 1995, 110–116.

Янин 1960

Янин В. Л., Междукняжеские отношения в эпоху Мономаха и «Хождение игумена Даниила», *Труды отдела древнерусской литературы*, 16, Ленинград, 1960, 112–131.

References

Alekseev L. V., *Polotskaia zemlia (Ocherki istorii Severnoi Belorussii) v IX–XIII vekakh*, Moscow, 1966.

Artamonov Yu. A., Kniaz'ia polotskie — «Velikie milosniki velikoi Lavry Pecherskoi», *Ad fontem. Sbornik statei v chest' Sergeia Mikhailovicha Kashtanova*, Moscow, 2005, 176–182.

Florya B. N., Istoricheskaiia traditsiia ob obshchestvennom stroe srednevekovogo Polotska, *Otechestvennaia istoriia*, 5, 1995, 110–116.

Gippius A. A., Toward the Problem of "Povest Vremennykh Let" Versions, 1, *Slavianovedenie*, 5, 2007, 20–44.

Grekov B. D., ed., *Ocherki Istorii SSSR. Period feodalizma IX–XV vv. v dvukh chastiakh*, 1, Moscow, 1953.

Levshun L. V., *Polotskii kniaz' Boris Vseslavich*, Moscow, 2020.

Litvina A. F., Uspenskij F. B., *Vybor imeni u russkikh kniazei v X–XVI vv.: Dinasticheskaia istoriia skvoz' prizmu antroponimiki*, Moscow, 2006.

Prokhorov G. M., Khozhdenie igumena Daniila. Kommentarii, *Biiblioteka literatury Drevnei Rusi*, 4, 1997, 584–599.

Rapov O. M., *Kniazheskie vladeniia na Rusi v X – pervoi polovine XII veka*, Moscow, 1977.

Rybakov B. A., *Russkie datirovannye nadpisi XI–XIV vekov*, Moscow, 1964.

Voitovych L., *Princeli Era in Rus': The Portraits of Ruling Elites*, Bila Tserkva, 2006.

Yanin V. L., Mezhdrukiazheskie otnosheniia v epokhu Monomakha i «Khozhdenie igumena Daniila», *Trudy otдела drevnerusskoi literatury*, 16, Lenin-grad, 1960, 112–131.

Антон Михайлович Введенский, магистр культурной антропологии,
старший преподаватель
Национального исследовательского университета
Высшая школа экономики
190121, С.-Петербург, ул. Союза Печатников, 16.
Россия / Russia
научный сотрудник
С.-Петербургского института истории
Российской академии наук
197110, Санкт-Петербург, Петрозаводская ул., 7.
Россия / Russia
3103104@mail.ru

Received July 27, 2021